

Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Цена любви

Тайный брак

Дом, в котором нет тебя

Мужские капризы

Женские фантазии

Сладкая боль

Пламя страсти

Свадебный венок

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цветок счастья

У алтаря

Эгоист

САНДРА БРАУН

Свадебный венок

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б 87

Sandra Brown
LOVE'S ENCORE

Copyright © 1981 by Sandra Brown.
By arrangement with Maria Carvainis Agency, Inc. and Prava i Prevodi.

Translated from the English LOVE'S ENCORE. First published
in the United States by Dell Publishing, New York

Перевод с английского *М. Виноградовой*
Художественное оформление *С. Власова*

Браун С.

Б 87 Свадебный венок / Сандра Браун ; [пер. с англ.
М. Виноградовой]. — М. : Эксмо, 2015. — 256 с. —
(Colombina. Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-65015-6

Камилла Джеймсон познакомилась с красивым, мужественным Заком Прескоттом на горнолыжном курорте и не смогла устоять перед его опасным обаянием. Несколько дней и одна безумная ночь связали их судьбы, но уязвленная гордость и страх перед неизведанным помешали им понять друг друга.

Спустя два года Камилла получает предложение от состоятельного владельца ранчо отреставрировать старинный особняк. Она приезжает в Атланту и встречает здесь человека, которого тщетно пыталась вычеркнуть из своего сердца...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Виноградова М., перевод
на русский язык, 2000
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-65015-6

Глава 1

Камилла наконец увидела вдали величественный особняк и резко затормозила. Она выехала ранним утром, накануне расспросив о дороге в туристическом агентстве в центре Натчеза. Девушка в офисе объяснила ей, что надо ехать по Хомочитто-стрит и, не доезжая шоссе № 65, свернуть налево.

Камилла чуть не пропустила едва заметный в непролазном кустарнике дорожный знак, указывавший, что эта узкая проселочная дорога и есть та самая подъездная аллея к усадьбе. Свернув с шоссе, девушка сбросила скорость и осторожно вела машину по ухабам и рытвинам. Вековые дубы, с необъятных ветвей которых, точно седые бороды, свисали лохмотья серого мха, возвышались по обеим сторонам дороги. Магнолии, на которых, несмотря на то что сезон их уже миновал, еще покачивались головки изящных белоснежных цветов, обрамляли аллею рядами похожих на фонтаны кустов. С давних пор было принято вплетать эти цветы в венок новобрачной в день свадьбы, от них усадьба и получила свое романтическое название — «Свадебный венок».

Распахнув дверцу, Камилла вышла из машины и, не выключая мотора, с интересом стала разглядыв-

вать дом. Двухэтажный особняк был построен в 1805 году в колониальном стиле, так нравившемся Камилле. Комнаты второго этажа выходили на балконную галерею, а первого — на открытую веранду, окружавшую дом с трех сторон. Стены из красного кирпича со временем приобрели тускло-розовый оттенок. Шесть внушительных белых колонн по фасаду поддерживали балкон. Широкие и высокие окна с зелеными ставнями симметрично располагались по три с каждой стороны огромной парадной белой двери. Над крыльцом на тяжелой цепи висел массивный медный светильник.

Камилла восторженно вздохнула и вернулась в машину. Уже поворачивая ключ зажигания, она вдруг засмеялась от прилива чувств.

— Ну, Скарлетт О’Хара, умри от зависти! — сказала она весело, подумав: какое счастье, что ей удалось получить такой потрясающий заказ — провести реставрацию этого особняка.

Девушка от всей души надеялась, что ей хватит вкуса и умения, чтобы справиться со сложной задачей, столь много значившей для ее карьеры дизайнера.

Камилла и ее мать, Марта Джеймсон, совместно владели компанией по декору и дизайну в Атланте. Когда умер отец Камиллы, матери пришлось одной управлять делом, и к тому времени, когда Камилла окончила колледж, получив диплом дизайнера, некогда солидный бизнес сократился до скромного антикварного магазинчика, торгующего заурядными старинными вещицами и посредственными безделушками. Начав работать в фирме, Камилла посте-

пенно обновила ассортимент и стала продавать оригинальные предметы современного декора и все более дорогой антиквариат. А кроме того, предложила клиентам свои услуги консультанта. Ее хороший вкус оказался настоящей находкой для покупателей, которым требовалось подобрать обои или ковры, поменять мебель или же дизайн в целом. Профессионализм и умение найти подход к любому клиенту очень скоро создали ей прекрасную репутацию и солидную клиентуру. Теперь она уже сама наняла двух женщин, помогавших ей в делах, а на долю матери остались бухгалтерия и мелкая розничная торговля.

Некоторое время назад в их фирму обратился мистер Рейборн Прескотт из Натчеза, маленького городка на Миссисипи, с предложением отреставрировать его фамильный особняк. Он узнал о Камилле от своего старого друга, для которого она оформляла интерьер ресторана. Камилла с радостью приняла его предложение, ведь перед этой задачей меркли все прежние, даже самые важные заказы, выполняемые их фирмой.

Рейборн Прескотт являл собой классический образец аристократа-южанина старой закалки. К Камилле и Марте он обращался с безукоризненной, подчас даже старомодной учтивостью. Хотя ему было под семьдесят, он сохранил статную фигуру и густую копну седых волос. Его голубые глаза излучали живой блеск, а галантные комплименты, произносимые с тягучим, типично южным акцентом, завораживали всех женщин фирмы, которые сразу оживлялись при его появлении. Мистер Рейборн Прескотт

рассказал Камилле о своем доме в окрестностях Натчеза, который он хотел отреставрировать.

— Мне стыдно, что этот прекрасный дом... Дело в том, мисс Джеймсон, что после того, как двадцать лет назад умерла моя жена, я совершенно его запустил. Теперь это унылое зрелище. Дом превратился в типичную обитель холостяка. Мой сын практически все время пропадает на нашей плантации за рекой, но и он полностью со мной согласен — необходимо вернуть «Свадебному венку» его изначальную красоту.

Камилла была в восторге. Девушка прекрасно знала эти великолепные старинные дома, построенные еще до войны Севера и Юга. В одно из ежегодных весенних путешествий мать познакомила ее с необыкновенным архитектурным стилем особняков того времени. Камилла была тогда совсем еще девочкой, но красота этих зданий оставила в ее душе неизгладимый след.

— Какое дивное название, — мечтательно пробормотала Камилла, уже рисуя в своем воображении картины преображенного дома. — Ну что же, мистер Прескотт, я с радостью принимаю ваше предложение.

Возможно, ответ Камиллы был слишком импульсивным, но в эту минуту ей казалось, что сбывается ее заветная мечта, и она была столь взволнована, что забыла о должном поведении при заключении сделок, которому обучали их в колледже на лекциях по менеджменту.

— Но мы ведь еще не обговорили ваш гонорар,

вы не видели дома! — ошеломленно воскликнул мистер Прескотт.

— Это неважно. Мне будет интересно выполнить эту работу, и я готова приступить к ней немедленно. — Девушка звонко рассмеялась.

Рейборн Прескотт посмотрел на ее сияющее лицо и улыбнулся в ответ. Его друг очень высоко отзывался о профессиональных способностях Камиллы Джеймсон, и старому джентльмену приятно было видеть такие увлеченность и энтузиазм. Гонорар, предложенный мистером Прескоттом, приятно удивил Камиллу. Еще более приятным оказалось, что он готов потратить на реставрацию ту сумму, которая потребуется, практически не ограничивая бюджет. А это означало — можно не думать об экономии, воплощая в жизнь самые смелые фантазии. Мистер Прескотт настаивал лишь на одном — чтобы во время работ Камилла жила в «Свадебном венке», пообещав, что ей будет подготовлена комната. Назначив приемлемый для обоих срок ее приезда, они расстались. И вот долгожданный день наступил, она стояла здесь, на крыльце, зажав под мышкой дамскую сумочку и ожидая, пока кто-нибудь отзовется на звон колокольчика. Она невольно заметила и облупившуюся краску, и тусклую ржавчину на медных дверных завитушках, и просевшие доски на крыльце под ногами. Да, если внутри окажется так же запущенно, как снаружи, то работы ей хватит надолго.

Камилла с грустью подумала: а чем, собственно, ей еще заниматься, кроме работы? Жизнь ее была целиком посвящена работе и тому, что с ней связано, хотя ни мать, ни близкие подруги, большинство

из которых успели уже выйти замуж и родить детей, не могли этого ни понять, ни, тем более, одобрить. Мать девушки ужасно переживала по этому поводу, и дошло даже до того, что она стала уговаривать ее сходить хотя бы на одно из свиданий, куда так настойчиво зазывали ее многие молодые люди, заходившие в офис по делам. Марта Джеймсон с замиранием сердца ждала, не примет ли дочь приглашение. Но все напрасно. Камилла только посмеивалась и каждый раз находила причину отказать. А миссис Джеймсон глубоко сокрушалась, не понимая, почему ее привлекательная, образованная дочь не проявляет никакого интереса к мужчинам.

Камилле было жаль, что мать так переживает, но она не могла ничего поделать. Не могла же она взять и заявить: «Знаешь, мамочка, однажды я отдалась мужчине, а взамен получила лишь унижение и позор. Второй раз я в эту ловушку не попадусь». Матерям ведь такое не рассказывают. К тому же некоторые воспоминания были слишком болезненны, чтобы их ворошить. Даже сейчас эти грустные мысли болью отзывались в ее сердце...

И в ту же секунду дверь отворилась. На пороге стоял улыбающийся мужчина.

— Здравствуйте. Я Камилла Джеймсон. — Она улыбнулась, не подозревая, до чего же прелестна в этот миг, когда лучи солнца танцуют в ее темных кудрях.

— Добро пожаловать, мисс Джеймсон. — Лицо встречающего расплылось в доброжелательной улыбке. — Мистер Прескотт ждет вас с нетерпением.

ем. Он ужасно переживал, что такая молодая леди едет одна от самой Атланты.

— Что вы, я добралась без приключений, и я тоже очень жду встречи с мистером Прескоттом.

Войдя в холл вслед за своим провожатым, Камилла огляделась, и у нее перехватило дыхание от восхищения. Все точь-в-точь, как она и представляла!

— Меня зовут Саймон Митчелл, мисс Джеймсон, — представился мужчина. — Можете мной располагать, если вам что-нибудь потребуется. — Эти слова отвлекли девушку от восторженного созерцания дома.

— Спасибо, мистер Митчелл, — смущенно улыбнулась она.

— Саймон, с вашего позволения. Вы пока подождите, мисс Джеймсон, а я поищу мистера Прескотта. Он, кажется, поливает цветы на заднем дворе.

— Не беспокойтесь. Я с удовольствием тут посижу и подожду.

Саймон кивнул и зашагал по просторному холлу, ведущему в глубь дома. Камилла буквально сгорала от желания поскорее осмотреть комнаты, двери которых выходили в коридор. Однако она знала, как щепетильны в вопросах этикета южане, и решила, что лучше дождаться, чтобы хозяин сам показал ей свой дом.

Она села в кресло, стараясь принять изящную позу, которая, по мнению ее матери, приличествует молодой леди: спина прямая, колени сдвинуты, руки грациозно сложены на коленях. В этой аристократической обстановке ей и самой хотелось выглядеть более утонченной и элегантной. Но ей казалось, что

с такой внешностью, как у нее, этого никогда не добиться. Камилла считала, что ей не повезло — от природы ей достались выющиеся непокорные темно-русые волосы, которые приходилось стягивать в узел, хотя даже и тогда одна-другая непокорная прядь умудрялась вырваться на свободу. Смуглая, абрикосового цвета кожа как нельзя лучше гармонировала с темными волосами. Но Камилла с раннего детства завидовала подругам с белоснежной кожей на нежных, как дрезденский фарфор, личиках, которые так очаровательно заливались румянцем от смущения. Ее не утешало даже то, что, в отличие от белокожих немочек, она загорала легко и без проблем — загар к ней, как говорила мама, сам лип. И глаза ей достались необычные. Правда, и ими она была недовольна. Ну почему, жалела она, у нее такой странный цвет глаз, а не, например, голубой, или зеленый, или серый, или даже карий, но только без этого дурацкого золотистого отлива? В обычных карих глазах прятались темные, ореховые зрачки или таинственно поблескивали эбонитовые искры — а ее глаза лучились расплавленным золотом. Камилла их просто ненавидела. А длинные густые ресницы, большой рот и задорно вздернутый носик в сочетании с темными непокорными завитушками делали ее и вовсе похожей на цыганку. Именно так и любил называть ее в детстве отец — «моя цыганочка».

Поскольку внешность Камилла изменить не могла, она как можно тщательнее подбирала одежду. И тут на помощь девушке приходили столь ценные для ее профессии хороший вкус, чувство формы и умение гармонично сочетать цвета. Она поправила

желтую льняную юбку и пожалела, что не сможет снять пиджак и остаться в легкой полупрозрачной блузке. От жары и влажности Натчеза костюм уже выглядел немного помятым, не говоря уже о том, что эта злополучная влажность сотворила с прической девушки. Утром она потратила достаточно времени, стараясь уложить волосы как можно аккуратнее, но теперь понимала, что ее старания были напрасными. После нескольких часов езды они вились вокруг лица в причудливом беспорядке.

Камилла услышала визг шин и потом резкий звук захлопывающейся дверцы автомобиля. Затем кто-то вбежал по ступеням, ручка парадной двери повернулась, дверь распахнулась, словно от удара ногой, и с глухим стуком ударилась о стену. Лучи закатного солнца высветили застилающий дверной проем силуэт высокого широкоплечего мужчины. Лица Камилла не успела разглядеть, так как мужчина, не замедляя шага, направился вдоль холла, оставляя за собой грязные следы на дубовом паркете. Казалось, непринужденная грация его движений смутно напомнила Камилле что-то, но девушка пришла в такую ярость от полнейшего пренебрежения вошедшего к тому, как он распахнул дверь, буквально отбросив ее в стену, затем наследил, конечно же не думая о паркете, что не придавала этому никакого значения. Не успев даже сообразить, стоит ли вмешиваться, она выпалила:

— Неудивительно, что дом в таком ужасном состоянии. Если каждый входящий будет столь же неаккуратен и столь же нечувствителен к этой красоте,

как и вы, то через неделю, того и гляди, все вообще может рухнуть!

Мужчина резко остановился и оглядел холл, удивленный и неожиданно раздавшимся женским голосом, и тем, что его кто-то посмел отчитывать столь бесцеремонно. Камилла сидела в самом темном углу, поэтому он не сразу заметил ее, тем более что вошел в дом с яркого солнца и глаза его еще не успели привыкнуть к полумраку. Не говоря ни слова, он снял соломенную шляпу, отер пот со лба и, упершись руками в бока, осмотрел девушку с головы до ног.

— Прощу прощения! — Под его напускным спокойствием легко угадывалась еле сдерживаемая ярость, готовая вот-вот прорваться наружу. Незнакомец шагнул вперед и подошел почти вплотную к креслу Камиллы. Взгляды молодых людей встретились, и одновременное узнавание поразило их.

«Не может быть! Откуда он здесь? Что он тут делает? Неужели это и вправду он? Да! Нет! Не может быть!» — пронеслось в ее голове. Губы девушки мгновенно пересохли, а сердце забилося так сильно, что ей показалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Ее бросало то в жар, то в холод, в ушах зашумело. Она не могла оторвать взгляда от лица мужчины. Однако, несмотря на свое состояние, она поняла по его застывшей позе и растерянному выражению лица, что он так же потрясен неожиданной встречей, как и она.

Он выглядел точно так же, как и тогда, в Юте, почти два года назад. Может, чуть заметнее стала паутинка морщин вокруг глаз, но глаза остава-

лись такими же синими, как и прежде, такими же удивительными, взгляд их, казалось, пронзал насквозь и одновременно завораживал, обволакивая. Как хорошо знала Камилла гипнотическую власть этих глаз! Похоже, он стал еще выше? Да нет, такое впечатление только оттого, что она сидит, а он стоит. Хотя Камилла помнила, что даже в полный рост она еле-еле доставала ему до плеча. Этот человек так часто являлся ей в мечтах на протяжении многих месяцев, будоражил ее чувства мужественной красотой, что порой она ругала себя за разыгравшееся воображение. Но теперь она убедилась, что память несколько не приукрашивала — он был именно такой, каким она его запомнила, так же широк в плечах и узок в бедрах. Его каштановые волосы кое-где выгорели от знойного солнца, сильный загар подчеркивал мужественность худощавого лица и удивительную, непостижимую синеву глаз, которые сейчас впились в девушку, пылая тем же жарким огнем, что сиял и в ее глазах.

Однако, почти автоматически отметила девушка про себя, одет он не в спортивную одежду — облегающие голубые брюки и мягкий свитер, — в какой она запомнила его, а в потертые джинсы и тяжелые ковбойские, заляпанные грязью сапоги, оставлявшие черные следы на полу. Голубая рубашка, влажная от пота, была наполовину расстегнута, рукава закатаны до локтей. На груди поблескивала тяжелая золотая цепочка с крестом — в свое время он говорил Камилле, что крест этот принадлежал его матери.

— Зак Прескотт?